

№ 116 (125)
апрель-июнь 2024

Издаётся с января 2006 года.

ВЕСТНИК АНТОНИЕВСКОГО ХРАМА

КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ ХРАМА ВО ИМЯ СВЯТИТЕЛЯ АНТОНИЯ (СМИРНИЦКОГО)

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОГО СЕРГИЯ МИТРОПОЛИТА ВОРОНЕЖСКОГО И ЛИСКИНСКОГО
ВЫХОДИТ ДЕВЯТЬ РАЗ В ГОД. ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ ИЗДАНИЯ ДОСТУПНА ПО АДРЕСУ: www.snt-antoni.us.ru

ВОСКРЕСНЕМ ДУШАМИ СВОИМИ

Братия и сестры! Возлюбленные соотечественники мои! Торжествующий глас церковного величания, глас радования и духовного ликования несётся по необъятным русским просторам, возвещая всем: «Христос воскрес из мертвых, смертью смертью поправ и сущим во гробех живот даровав!»

Праздник праздников – Светлое Христово Воскресение, Пасха – «избавление скорби» – полнит души верных священным трепетом и возвышенным чувством, изумляя разум величием подвига Христова, вселяя в сердце мир, покой и благоговейный восторг.

Достойный повод для того, чтобы лишний раз испытать себя, свои поступки и мысли, всё бытие наше на предмет соответствия их Истине Божией и заповедям Христовым — мерилам справедливости и добра, мужества, милосердия и любви...

Лишь те имеют часть в этом духовном пиршестве, кто не дрогнул под натиском искушений и скорбей, соблазнов и поношений; кто, пав, нашёл силы восстать к новой жизни; кто сохранил Веру и верность Богу и многострадальному Отечеству нашему в тяжкое время безверия и предательства, обрушившееся на Святую Русь.

Христос воскрес, претерпев во имя людей клевету и ложь, неверие и непостоянство народных толп, предательство Иуды, несправедливый суд, издевательство и побои стражи, лютую крестную муку и поносную, страшную смерть. Воскрес вопреки всему и всем, явив Воскресением Своим торжество Силы Божией над дьявольскими поползновениями, торжество добра над злом, правды над ложью, мужества над трусостью, самоотверженности над корыстью, надежды над унынием, справедливости над беззаконием.

Нам ли сегодня не видеть великий преобразовательный смысл Таинства Воскресения? Нам ли не возревновать о святых Русской Церкви – верной хранительницы благодатных пасхальных даров? Нам ли и впредь оставаться глухими к отеческим призывам Слова Божия?

Сегодня, когда главный вопрос нашей жизни, нашей судьбы, нашего спасения вечного и земного будущего наших детей – это вопрос: «Воскреснет ли наша Россия?», – равнодушие и промедление недопустимо.

Не первый год Православная Церковь возносит ко Господу молитвенный вопль своих духовных чад, надеясь и веруя, что воскресение совершится. «Давно, кажется, пора нам понять, что возможность положительного ответа на этот вопрос зависит всецело от нас самих, – писал в своем пасхальном послании, вышедшем в разгар антицерковных гонений, архиепископ Аверкий, духовный вождь Русского Православного зарубежья. – Россия воскреснет только тогда, когда мы сами, сыны и дочери её, сохранившие верность ей, как Святой Руси, воскреснем душами своими».

По слову митрополита Иоанна (Снычёва)

Виктор Васнецов. Радость праведных о Господе. Фрагмент фрески. (1896 г.)

ЧУВСТВО РОДИНЫ

Теперь уже нет сомнения в том, что русский народ испытал и испытывает настоящую войну как *призыв* – призыв, ответить на который составляет для него не только правовую обязанность или моральный долг, но живую духовную потребность.

Мы словно проснулись и опомнились, поняли, что над нами стряслось, и почувствовали, как вновь загорелось в душе древнее *чувство родины*. И вот мы сами охотно делаем то, что нужно для победы; мы не нуждаемся в чужом понуждении и не заставляем себя служить нелюбимому, постылому делу; мы ждём лишь указаний: что нужно сделать; а сила духовного подъёма даёт нам желание и энергию.

Что же это за призыв и откуда он? Что зовёт нас? Что заставило нас восстать и доброю волею принять на себя бремя великой и напряжённой народной войны?

С детства привыкаем мы жить, сосредоточиваясь на непосредственных «ближайших» интересах небольшого круга людей, будь то семья отца и матери или семья, основанная нами. Мы незаметно, но прочно свыкаемся со всевозможными перегородками и разделениями, обособляясь и отъединяясь со всех сторон, нередко с тем большею настойчивостью и с тем большим увлечением, чем меньше имеется для этого объективных и существенных оснований. Душа наша обрастает целым множеством узаконенных ледяных покровов, избавляющих нас от необходимости отвечать на призыв, если он «чужой», и отзываться на беду, если она «не наша». Мы живем, не замечая, что это кольцо «нашего» постоянно тяготее к умалению и сужению, и каждого из нас влечет центристательная сила самосохранения.

Величайшее нравственное и духовное разъединение царит в современном обществе. У всякого своя, особая цель в жизни, свой интерес, отдельный от других; ибо кто же ещё, кроме меня, полагает своею главною жизненною целью своё личное устройство и благополучие? Если я сам не буду заботиться о себе всеми силами души, то кто же позаботится так обо мне? Никто, конечно; а если бы нашёлся такой человек, то разве не опутал бы он тотчас же мою жизнь требованиями ответного внимания, имеющего вознаградить его за его старания? Кто из нас умеет любить «не для себя»? Чья любовь не подавляет любимого своею требовательностью?

Наши души разъединены именно потому, что каждая занята своей заботой, своею судьбою, своим устройением; и в этом отношении, как и во многих других, своекорыстие семьи и своекорыстие индивидуума – явления одного порядка. Цели других в общем подобны моей, но не совпадают с ней: каждый – за себя и о себе; каждый «понимает» (в лучшем случае) себя и «не понимает» других; наши повседневные беседы и обычные споры, в которых каждый слушает только себя и глух для мысли другого, выражают именно эту глубокую разъединённость душ. Каждый ищет своего и живёт насторожившись, не доверяя другим, часто бессильный перед «потёмками» чужой души. Каждый щедр для себя и «не имеет» для других; и кажется иногда, что скоро доброта сердца истает в людях без остатка...

Как это привычно, элементарно и общеизвестно; и в то же время – как тяжело!.. И так привыкаем мы к этому, что нередко искренне удивляемся самой возможности говорить о другом, видим в этом проявление наивности или бестактного чудачества. Пусть беспокойные и неудобные мечтатели обнаруживают свою явную непригодность в «практической жизни»; «большинство» будет по-прежнему ставить все вопросы жизни на «единственно-реальную» почву личного интереса. И «трудно» будет тем, которым не удастся примириться с этим «неизбежным минимумом» житейской чёрствости. И даже «сочувствие» и «солидарность», объединяющие нас на какой-то момент или на срок, часто бывают лишены истинного и глубокого значения: временные параллели в личных судьбах и путях у двух своекорыстных людей не могут взрастить семени добра.

Валентин Ходов. Микула Селянинович. Палех.

И вот – война вторглась неожиданно в нашу жизнь и заставила нас гореть не о себе и работать не для себя. Она создала возможность взаимного понимания и доверия, она вызвала нас на щедрость и пробудила в нас доброту.

Война противопоставила нашему мелко-му повседневному «здесь» – некое великое «там» и потрясла нас этим «там» до корня. То, что было «здесь», не исчезло после начала войны, но наряду с ним – выдвинулось что-то новое и, может быть, даже заслонило повседневность. Каждая душа услышала зов, и от каждой протянулась куда-то нить, напряглась и задрожала. И связала душу с другими в одном – сразу далёком и близком – «там». Все нити встретились в этом общем пункте и скрепили народ в единство. Всё, что «оттуда» – стало важным; ибо то, что «там», оказалось родным, и дорогим, и существенным, и притом – как бы при смерти больным. Оно тоже для каждого «моё», но – по-особому «моё»: такое, что не только моё, но и моё, и чужое. Оно – наше, общее.

Это пункт, где радость не одинока и где горе человека разделено другими, ибо тому, чему я радуюсь, радуются и другие; и то, что тяготит меня, угнетает и других. Оказалось, что все имеют общий предмет любви и забот. Оказалось, что есть пункт, в котором моя любовь, моё волнение, моя боль, моё усилие, горят о том же, о чём горят другие люди, чужие мне. Но если так, то они мне – уже не чужие... И вот тает чуждость и смягчается изолированность людей. В минуты подъёма и волнения теряет даже смысл деления на «знакомых» и «незнакомых»: люди, впервые видящие друг друга, уже соединены где-то – причём в самом важном. У них уже есть знание друг о друге: я знаю, где у другого, «чужого» мне человека – боль и радость; на что он надеется и что его беспокоит. И это знание есть взаимное приближение; оно сближает людей и сокращает расстояние между ними. Всё легче становится найти отклик, сочувствие и совпадение; легче встретиться, вместе загореться и согреться у одного огня. Возникает взаимное понимание; слагается уверенность друг в друге; создаётся доверие друг к другу. А доверие есть ключ ко всем замкам души, сковывающим её входы. Является область, где не нужны эти замки, где можно раскрыться, где нет уже оснований к отъединению. Мы говорим друг с другом о войне – и не чувствуем ложного стыда: мы можем любить наше общее, вместе радоваться его подъёму и его высоте, вместе скорбеть о его несовершенствах и неудачах.

Эта открытость душ и их совместное горение смягчает сердца; а смягчённые сердца уже стоят на пути к восстановлению отмершей доброты. Люди чувствуют себя как бы ветвями и листьями единого дерева; их корни где-то сплелись; их души тянутся к одной и той же единой цели. Где-то там – мы одно. Там наше дело, наша беда, наша опасность, наше

страдание, наша победа, наше восстание, наше возрождение. И это сознание, что «там – мы одно», научает людей радоваться тому, что у них единое солнце, единый воздух, единая родина. Там я неотделим от других – от тех, кто огнём любви своей говорит: «я русский». Там нет этого разъединяющего настроения «я, а не другие». Там – мы, русский народ. И для всех нас сообща там решается один вопрос: о нашем общем деле, о нашем общем духовном достоянии.

Иван Ильин. Из книги «Духовный смысл войны»

Господи, что эти русские делают с сердцем, словом владея, как кистью, а то и резцом... Лишь прикоснутся – и день окончательно серый блещет хрусталью, а то и полощет свинцом.

Только мгновенье – от радости и до печали, вы замечали из павловсков или тарус? Или, напротив, я знаю – и вы замечали: в сердце уставшем – сквозь гнев просыпается Русь, что эти русские в землю влюбились, как в Небо, ходят наощупь по сумраку и по воде...

Дайте мне вёсла, а к вёслам подайте мне невод – звёзды собрать, а то сгинут неведомо где. Вот и теперь – я не знаю, с какого испуга: в полночи полной – любые напасти не в счёт. По небу – росписью Имя то Бога, то друга...

Что эти русские сделают с сердцем ещё?!

Надежда Мирошниченко

НЕ БУДЕМ СОРНЯКАМИ У БОГА

С евангельской Притчей о Сеятеле тесно связана Притча о пшенице и плевелах, следующая сразу за первой. Эта притча получила личное толкование Господа Иисуса, и приводится она только в Евангелии от Матфея.

Другую притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел [Мф 13, 24-25].

Первая притча показывала, говорит святитель Иоанн Златоуст, что слово Спасителя не принято; а второю даётся знать, что вместе со словом приняты и вредящие слову. Таково одно из ухищрений дьявола, что он к Истине всегда примешивает заблуждение, прикрашивая его разными подобиями Истины, чтобы обмануть легковверных.

Как и в Притче о Сеятеле, главным героем здесь является Сам Господь, при этом поле – это человеческий мир, враг – дьявол, пшеница и плевелы – люди, отличающиеся друг от друга образом жизни и отношением к Богу: «сыны Царствия» и «сыны лукавого». Сеятель представлен в повествовании хозяином поля: мир принадлежит Богу как Его любимое творение. Но не только Творец действует в мироздании. Дьявол тоже находит возможность влиять на жизнь людей. Как дьявол паразитирует на Божием творении, так злые люди и негодные побуждения портят жизнь людям добрым и отравляют праведные намерения.

По мысли притчи, постоянное противостояние добра и зла в мире не бесконечно. В урочный час придёт «время жатвы» – Суда Сына Божьего над человечеством. У хозяина поля есть в распоряжении работники-жнецы, которые помогают ему в уборке урожая, и они будут посланы для сбора пшеницы. Подобным образом ангелы Божии будут участвовать в завершающем событии мировой истории: *Соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие и ввернут их в печь огненную; там будет плач и*

скрежет зубовой; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» [Мф 13, 41-43].

Традиционно Христос завершает повествование словами: «Кто имеет уши слышать, да слышит!», побуждая задуматься над подлинным смыслом притчи. Она повествует о каждом из нас и о христианской Церкви – Царстве Божием, в котором единение людей формируется не по политическим, национальным или культурным признакам, а по Благодати Святого Духа, по принципу духовного родства, благодаря общей Вере и общей нравственности. Царство это духовно по своей природе, а внешние его проявления выражаются в поступках и деятельности людей. Христос Своей проповедью (сеянием семени), Своей искупительной Крестной смертью и Воскресением создал Церковь, которую изначально составили Его апостолы, а после под воздействием проповеди учеников в ней объединилось множество людей. Именно Церковь обозначается в притче пшеницей, возвращённой на Божьем поле, а «сынами Царства» названы христиане.

Но христиане живут не в идеальном мире. Дьявол соблазняет многих, заставляя их творить зло, губить свою жизнь в пороках и причинять страдания другим. Такие люди именуются «плевелами» и «сынами лукавого». Притча относит к плевелам и тех христиан, кто, будучи членом Церкви, ведёт греховную жизнь. Блаженный Феофилакт пояснял: «Поле – это мир или душа человека. Тот, Кто сеял, есть Христос; доброе семя – добрые люди и мысли; плевелы – ереси и худые мысли; тот, кто сеял их – дьявол». Дьявол сеет плевелы среди спящих людей, то есть среди тех, кто беспечно погружён в своё неверие как в сон бездействия. В конце времён на Страшном Суде ангелы изымут всё зло и его носителей и с лица земли, и (что важно) «из Царства Его», то есть из Церкви. И Божий мир засияет святостью и совершенством. Другими словами, тогда весь мир станет Церковью – Царством Бога на Небе и на земле.

Картины и образы предложенной Спасителем притчи были знакомы и понятны палестинским слушателям. Плевел – это сорное растение, молодые ростки которой поначалу очень похожи на пшеницу. Легко различить плевелы и пшеницу можно лишь тогда, когда злаки начнут колоситься, но к тому времени корни их бывают настолько переплетены, что плевелы нельзя прополоть, не вырвав заодно и пшеницу. Вот почему опасное растение часто оставляли до тех пор, пока злак не созреет. Обычно отделяли доброе зерно от плевел вручную после молотбы, что, конечно, требовало огромного труда.

Уже в древности пытались определить, какой именно сорняк имеет в виду Господь, говоря о плевелах. В «Толковой Библии» под редакцией профессора Александра Лопухина отмечается, что в Евангелии указан так называемый *опьяняющий куколь (lolium)*, или *головолом*. Когда горький плод этого растения попадает в пищу, отдельно или в обычном хлебе, он вызывает головокружение и часто действует как сильное рвотное. Это также сильный снотворный яд, потому плевел необходимо было тщательно провеивать и отделять от пшеницы, зерно за зерном.

Возникает логичный вопрос: почему для победы над злом в мире нужно ждать конца истории? Ответ находим в продолжении притчи: жнецы-ангелы предлагают хозяину убрать с поля все сорняки (грешников), но Спаситель велит не трогать до времени плевелы, являя Своё бесконечное милосердие и не позволяя истребить грешников, чтобы вместе с ними не пострадали и не были уничтожены и праведные, «*чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы» [Мф 13, 29].*

В земной жизни отношения между людьми так тесно переплетены, как корни растений, совместно растущих в поле. Люди связаны друг с другом множеством семейных и социальных связей и во многом друг от друга зависят. Если бы Господь без разбора карал всех грешников, то нарушился бы на земле весь строй жизни и неизбежно пострадали бы и добрые, но порой мало приспособленные к жизни люди. Кроме того, нередко случается так, что многогрешный человек вдруг после какого-либо жизненного потрясения или события исправляется. Таких случаев коренного изменения образа жизни история знает очень много. Например, ветхозаветный царь Манасия, равноапостольный князь Владимир и многие другие. Только Господь знает, насколько изменчива человеческая натура, и вчерашний враг Христа может завтра перемениться и стать добрым членом Церкви. Блаженный Феофилакт, епископ Болгарский, в этой связи замечает: «Если бы Матфей

(до своего обращения – ненавистный для своих соотечественников сборщик податей) исторгнут был из этой жизни, когда был в числе плевел, то вместе с ним погибла бы имевшая впоследствии прозябнуть от него и пшеница слова его. Так точно и Павел, и разбойник, когда были плевелами, не были истреблены, чтобы впоследствии произросла их добродетель».

В людях порок бывает так глубоко укоренён, что уничтожение его Богом равносильно убийству человека. А зло надо отличать от его носителя: зло – это действие или отвлечённое понятие, тогда как носитель зла – конкретен и материален. Борясь со злом, обязательно затронешь носителя зла. Так что искоренять зло в себе должен, прежде всего, сам человек, сознательно и по доброй воле, чтобы не столкнуться с насилием противодействующих злу. Притча о плевелах учит нас бодрствовать – внимательно относиться к своему духовному состоянию, не полагаясь на собственную праведность. Притом в некоторых случаях столкновение с грехом помогает проявиться подлинному благочестию. Ведь праведность зачастую рождается из борьбы с нечестием, святость недостижима без борьбы со страстями. Видя негативный пример в поведении другого, человек может поступать противоположным образом и вести богоугодную жизнь. Преподобный Максим Исповедник подтверждает: в человеке «...вместе с добрым семенем прорастают и плевелы, вместе с добродетелью всходят страсти человекоугодничества и тщеславия. Сеятель душ велит не вырывать плевелы, пока добродетели не окрепнут, дабы желающий выдержать эти страсти не вырвал вместе с ними и рвение к добродетели».

Бог оставляет человеку свободу стать праведным. Потому эта притча – и о надежде. Как бы ни был грешен человек, у него есть возможность попасть добрым зерном в «житницу Божию», отказавшись от зла. Блаженный Иероним Стридонский замечает: «Господь предупреждает нас, чтобы мы не спешили произносить приговор, когда возникает некое сомнение, но оставляли окончательное решение Богу, Который и есть Судия, чтобы при наступлении Судного Дня Он извергнул из собрания святых не подозреваемого в преступлении, но – очевидного виновника». Надо помнить, что в этой жизни никто не обречён на гибель, каждому предоставляется возможность покаяться и спасти свою душу. Только когда истекает у человека его жизненный срок, наступает для него день «жатвы» и подводятся итог его прошлому.

По текстам прот. Алексия Белецкого и иеромонаха Пимена (Шевченко)

ВОЗДАЯНИЕ ПРАВЕДНЫМ И ГРЕШНЫМ

Некогда, в начале июня, в прекрасный день, преосвященный архиепископ Антоний, в загородном своем Троицком доме стоял на балконе вместе с своим приближенным, и указывая на зелень, цветы и деревья своего сада, так говорил: «Кто бы мог подумать, если бы прежде не знал, видя зимой обнажённое это место, чтобы оно такой исполнилось красотой!.. Но вот и пришла весна, а не все деревья облеклись зелёной своей одеждой и цветами. Посмотрите: вот между зеленеющими есть и сухие деревья. Они обнажены и ничем не украшены...

Так и во Второе славное Пришествие Христова воскреснут мёртвые! Восстанут праведные и грешные. Но праведные просветятся, как солнце, в Царствии Отца Небесного, а грешные явятся во всей безобразной тёмной своей сути».

Свт. Антоний Смирницкий

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ НИКОН ПЕЧЕРСКИЙ

Древнерусский писатель и летописец преподобный Никон Печерский появился на свет в ту пору, когда Русью правил святой благоверный князь Владимир равноапостольный. Никон являлся учеником и сподвижником основателя Киево-Печерского монастыря преподобного Антония Печерского, к которому пришёл уже в сане иерея не позднее 1058 года. Упоминание сана означает, что Никон ещё до появления в Печерской обители посвятил себя служению Богу, однако неизвестно, где это происходило. Часть историков церкви склонны предполагать, что под именем Никона в киевском Печерском монастыре был пострижен первый русский митрополит Иларион.

В монастыре Никон сам готовил к монашескому служению новых иноков, в том числе и пришедшего в обитель Феодосия Печерского. В 1061 году преподобный Никон постриг в монахи любимых придворных Киевского князя Изяслава Варлаама и Ефрема. Ефрем, к слову, впоследствии станет епископом Переяславским.

Изяслав, впад в ярость от того, что постриг совершён без его ведома, приказал боярину Ивану – родителю Варлаама – разгромить Печерский монастырь. А совершившего пострижение Никона велел тотчас привести к себе. Слуги исполнили волю князя, и Никон предстал пред грозным взором Изяслава. Гневно взглянув на святого, властелин поинтересовался: – Ты постриг Ефрема и Варлаама без моего позволения?

Преподобный Никон ответил прямо: – Я. И совершил это по повелению Небесного Царя Иисуса Христа, призвавшего твоих ближних людей на монашеский подвиг.

Изяслав распалился ещё сильнее: – Или убеди их возвратиться обратно в мир, или я отправлю тебя в заточение, а пещеру вашу велю разорить.

На эти угрозы преподобный Никон ответил с твёрдостью: – Великий князь! Делай всё, что тебе угодно! Мне же не подобает отвращать воинов от Небесного Царя.

После этого святой Антоний Печерский и новопостриженные монахи вышли из пещеры, намереваясь уйти подальше от княжеского гнева. Однако один из слуг Изяслава рассказал о случившемся княгине, и она напомнила мужу о том, что если он в слепой ярости решится пойти против Божьего Промысла, то не миновать ему гнева Господнего.

Выслушав жену, князь испугался и отпустил блаженного Никона, разрешив ему не покидать обитель. Затем, убоявшись ещё больше, Изяслав стал просить возвратиться в монастырь и тех, кого он выгнал из пещер. Однако только через три дня, вняв княжеской просьбе, иноки вернулись и рассказали о дивных чудесах, виденными ими за этот недолгий срок. Когда они собрались исполнить княжий приказ, им явилась икона Пресвятой Богородицы, запретившей им идти обратно. Но они всё же вняли просьбе земного владыки.

Никон же послушался веления Царицы Небесной и покинул Киево-Печерский монастырь с одним чернецом из обители святого Мины. Тот тоже искал уединения и безмолвия. Оба они пожелали поселиться отдельно от всех и отправились вниз по Днепру на берег Чёрного моря. Там они разошлись – чернец удалился на один из островов по пути к Царьграду, Никон же добрался до «полуострова Тьмутароканского» (в древнерусском написании, от тюркского «Таман-Tarkan»), что расположен на восточном берегу Керченского пролива. Недалеко от некоего города Никон увидел на горе безлюдное место, где и обосновался в полном одиночестве.

Гора в народе до сих пор называется Зеленая, а «некий город» в глубокой древности основали любознательные античные греки, проникшие в наше Причерноморье и оставившие здесь свои колонии. Эллы называли город Гермонасса, позднее, в Византии его именовали Таматарха. Русский князь Мстислав Великий возродил заброшенную Таматарху, и имя ей стало – Тмутаракань. Ныне же это станица Тамань. Удивительно на непрерывность человеческой деятельности в этом месте: от античной эпохи, через древнюю Русь – к современности...

Зеленая гора в юго-западной части Таманского полуострова географически очень выгодно расположена. Если смотреть с её вершины на север, можно увидеть белокаменный маяк, что указывает морякам направление к Азовскому морю. К югу от Зеленой горы раскинулось Чёрное море, а на западе открывается изумительный вид на Керченский пролив.

Из Патерика Киево-Печерского монастыря и из Житий Феодосия Печерского и преподобного Никона известно, что изначально Никон на Зеленой горе по образцу Печерского храма основал Богородичную церковь, где и проводил время в усердной молитве. Но недолго он пребывал в уединении – к преподобному стали стекаться ученики. Вскоре на том месте образовалась обитель во имя Пресвятой Богородицы. Это был один из первых каменных монастырей Древней Руси. Упоминание в Патерике подтверждают и современные археологические раскопки, которые свидетельствуют о том, что на Зеленой горе примерно с середины XI столетия находился русский православный монастырь, считавшийся «прикладом» (то есть подворьем) Киево-Печерской обители. Тмутараканский монастырь представлял собою пещеры, вырытые в земле – по образу и подобию пещер киевских. Некоторые исследователи считают, что обустройством монастыря руководил греческий монах Иоанникий.

Согласно археологическим отчётам, пещерная церковь изнутри «выложена камнем, а его выступающая часть имела крышу, крытую черепицей». Найденные при раскопках храмовые лампы, христианские православные кресты, печатки-подвески и другие находки подтверждают предположения учёных.

Обитель, основанная преподобным Никоном, вела тихую и богоугодную жизнь, а жизнь мирская тем временем кипела человеческими страстями. В 1067 году между князьями Глебом Святославичем и Ростиславом Владимировичем вспыхнуло острое соперничество за Тмутаракань. Никон поддержал Ростислава, а также сблизился с воеводой Вышатой, сыном Остромира (владельца жемчужины древнерусской книжности известного как «Остромирово Евангелие»). Вскоре Ростислав был отравлен византийским наместником из Херсонеса, и Никон отправился к князю Святославу «со словом», о том извещавшим, и с просьбой от жителей Тмутаракани добиться, чтобы вместо погубленного лукавыми греками Ростислава в город «посадили» нового князя. По пути Никон посетил Киево-Печерский монастырь, где игуменом к тому времени являлся уже Феодосий. Он и предложил преподобному вернуться в киевскую обитель. Никон внял уговорам, а потому добрался до Тмутаракани, уладил там монастырские дела и в 1068 году отбыл в Киев к игумену Феодосию.

По возвращении преподобного Никона в Печерскую обитель её настоятель Феодосий оказывал преподобному особое почтение как своему духовному отцу. Отлучаясь куда-либо, Феодосий поручал Никону, как самому старшему, всю монастырскую братию. Когда игумен поучал монахов духовными словами, то просил Никона в наставление братии прочесть что-либо из книг. В свою очередь, преподобный с радостью подчинялся Феодосию.

Нередко бывало и такое: когда Никон переплетал книги, Феодосий сидел рядом и пряд нитки для переплётов. Как книжник Никон на десятилетия опередил развитие монастыря. Не исключено, что именно он являлся автором летописного свода 1073 года – одного из источников «Повести временных лет». Летописец Никон придавал большое значение точности датировок и принципу хронологического изложения событий. Кроме того, Никона можно с полным правом считать первым археологом и этнографом Киева. Преподобный скрупулёзно описывал расположение исторических объектов, собирал местные легенды, предания и сказания, а затем включал их в летопись. В отличие от своих предшественников, Никон подходил к делу как историк: через другие источники он проверял достоверность тех или иных свидетельств, сравнивал, анализировал и излагал несколько версий событий.

В 1073 году началась очередная княжеская усобица, и преподобный Никон снова на несколько лет ушёл в Тмутараканский монастырь. В третий раз вернулся он в «пещеры киевские» уже после смерти Феодосия, при игумене Стефане. Когда же Стефан удалился в основанную им Кловскую обитель, братия Киево-Печерского монастыря избрала игуменом преподобного Никона.

Никон старался продолжить все начинания Феодосия, и в Житии он описывается как строгий, но отходчивый начальник братии.

Как настоятель Никон много потрудились, украшая мозаикой и фресками монастырские храмы, в частности, Печерскую церковь, что было осуществлено под его надзором в 1083 году византийскими мастерами. Здесь, в Киево-Печерской обители начал свою работу первый известный русский иконописец Алимпий Печерский. В пространном «Сказании о Церкви Печерской» повествуется: «Пришедшие иконописцы по молитвам преподобного Никона принялись за украшение святой Церкви Печерской, сама икона Пресвятой Богородицы в алтаре изобразилась чудесно мусиею и из уст её вылетел голубь».

Скончался преподобный Никон Печерский в глубокой старости в начале апреля 1088 года. Тело подвижника погребли в Киево-Печерском монастыре, в родной ему пещере, где и доныне нетлением своих мощей он свидетельствует о своей святости. Память преподобному Никону отмечается **23 марта/5 апреля**.

*Не говори, что к Небесам
твоя молитва не доходна;
верь: как душистый фимиам,
она Создателю угодна.*

*Когда ты молишься, не трать
излишних слов; но всей душой
старайся с верой сознать,
что слышит Он, что Он с тобою.*

*Что для Него слова? О чём,
счастливым сердцем иль скорбящим,
ты ни помыслил бы, – о том
ужель не ведаёт Всезрящий?*

*Любовь к Творцу в душе твоей
горела б только неизменно,
как пред иконою священной
лампады теплится елей.*

**Великий князь
Константин Романов**

РАДОСТЬ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Человек!.. Все творения немеют перед этим самым необычным чудом во всех мирах. Бог как бы собрал чудеса из всех Своих миров, слил их воедино – и получился человек.

Ощущать – разве это не чудо? Мыслить, желать – разве не чудо? Не ищи чуда вне себя, ибо ты сам – величайшее чудо. Существовать в мире – разве не есть это нечто бесконечно удивляющее и непонятное?

Со всех сторон человек окружён бесконечностями... Не есть ли жизнь человека на земле – паломничество по безднам? Ведь всякий серьёзный вопрос, который человек задаёт сам себе или мир задаёт ему, уводит человеческую мысль в бездну. Вопрос Истины – вот бездонная проблема. В поисках Истины, пробиваясь к её святилищу, мысль человека всегда пробирается через страшные пропасти. А проблема справедливости, а проблема добра, а проблема зла!.. – Всё это сплошь пропасти и горные ущелья, паломничества, мучительные и тяжёлые, разве нет? Ненасытная же мысль человека, гонимая неким врождённым инстинктом, страстно бросается из проблемы в проблему – и не насытится до тех пор, пока её не подчинит себе двуединая проблема – *проблема Бога и человека*.

Только когда человек примет Христа как посредника между собой и людьми, между собой и миром, между собой и самим собой, тогда будет он Христов человек, и бездны перестанут страшить, потому что горькая тайна мира претворится в человеческой душе в сладкую тайну Божию. Значит, человек должен быть воодушевлённый молитвенник.

Молитва – самое первое дело христианина: она ставит нас в единственно правильное отношение к Господу Иисусу Христу и ко всему миру. К любому человеческому существу, к любому Божьему творению, к святой тайне каждой души надо приступать с молитвой, ибо только посредством призываемого в молитве Христа можно правильно и безгрешно встретиться, узнать и полюбить творение Божие и каждое богоподобное существо.

Ты можешь открыть в человеке человека только когда разберёшься в том, что он считает добром, и что – злом, и всё это измеришь мерою Христовою.

Райский сад. Фреска храма Покрова Пресвятой Богородицы в Ясеневе.

Человека можно оценить по его главной заботе. Если найдёшь в человеке его главную заботу, то отыщешь саму изюминку его существа. Человек обычно весь живёт в своей главной заботе. Все его ценности и недостатки в его главной заботе и около неё. Здесь его Рай и его ад.

Молитва очищает мысль, это сито, кузница, горнило, выплавляющее образ мира... Или так: молитва – это некий вид сгорания и самосожжения, принесение себя, всякого своего хотения в жертву: ты не желаешь ничего своего – и молишься, чтобы всё, что есть в тебе немолитвенного, исчезло и угасло.

Молитва – единственный путь существенного самопознания; вне молитвы всякое познание поверхностно, подобно проказе на коже...

Молитва в Богу – выражение нашей любви к Нему, то есть *боголюбие* – первая заповедь.

Молитва к святым говорит языком нашей любви к ним, являет наше смирение перед ними, нашу веру в их помощь и надежду на их святое заступничество. Другими словами, в молитве к святым воплощается вторая заповедь, то есть *человеколюбие* – любовь к обоженному человеку, о-Бого-ображенному, сочетавшемуся со Христом и преобразённого во Христе.

Так – этими двумя заповеданными путями – боголюбием и человеколюбием – отверзаются двери и всем прочим святым добродетелям и таинствам.

Омолитвить себя, омолитвить весь ум, душу, сердце, всю волю свою – пусть это будет нашим каждодневным подвигом.

Святая Литургия – это наша лестница, мост на Небо. Всё, что в ней, мгновенно возносит тебя в оный мир и поставляет среди Ангелов и святых. В ней каждая молитва – разве не ведёт души на Небо? Какое может быть уныние, когда есть святая Литургия! Она утверждает, что каждое мгновение жизни человеческой – Божие. Зачем же тогда бояться кого бы то ни было и чего бы то ни было, кроме Бога?

Человеческому естеству на земле в каждое мгновение Небо необходимее, нежели вся земля и всё, что на ней, ибо человек на девяносто девять процентов с Неба и лишь на один процент – от земли. Поэтому мы должны в каждую минуту взбираться к Небу, ползти, бежать, лететь к Небу. Этому нас до мельчайших подробностей учит Святое Евангелие и житие каждого святого, прославленного Спасителем нашим.

Всякий святой – это возвращённый Рай, это осуществлённое в человеке, прожитое им Евангелие. Претворяя в жизнь евангельские добродетели, человек преодолевает всё, что в нём смертно, и чем больше он живёт по-евангельски, тем сильнее выжимает из себя смерть и смертность и возрастает в бессмертие и жизнь вечную. Ощущать Господа Христа в себе есть то же,

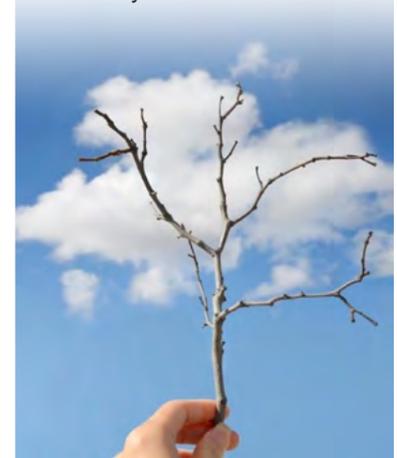
что и ощущать себя бессмертным. Ведь ощущение бессмертия происходит из ощущения Бога, потому что Бог есть источник бессмертия и вечной жизни. Ощущать Бога в себе постоянно, во всякой мысли, во всяком ощущении, во всяком поступке – это и есть бессмертие.

Освящение человеческой природы прогрессирует в соответствии с верой: чем святее становится человек, тем более сильным и живым становится его чувство собственного бессмертия.

Основная обязанность христианина – в мире времени и пространства жить Христовым бессмертием и вечностью, не допускать грехам и страстям быть действительными силами в его мыслях, ощущениях, желаниях и делах. Вытесняя из себя все грехи, человек вытесняет все смерти, ведь всякий грех – малая смерть.

Если ты прожил день и не победил ни одного своего греха, знай: ты стал более смертным. Если же ты победишь один, два, три своих греха – смотри, ты помолодел бессмертием и вечностью.

По сути Церковь – Божественная мастерская, в которой непрестанно омолаживаются, освежаются и укрепляются человеческое ощущение и сознание личного бессмертия и бесконечности. Разве молитва не делает душу бесконечной, связывая её с Богом? Молитва понемногу побеждает в нас смерть, и всякая евангельская добродетель также, а вкупе они созидают личную победу над смертью и ведут человека в жизнь вечную.

Будем держаться непрестанно за Господа Иисуса Христа – держаться молитвой и постом, держаться милостиной и любовью, кротостью и смирением, держаться Святым Причащением, святой исповедью. Всем этим надо держаться за Него, Неизменного, ничем и никем не заменимого Бога и Господа – каждым Святым Таинством и каждым святым богоугодным делом. И тогда над всеми смертями, над всеми мучениями ты, человек, всегда восторжествуешь радостью: радостью веры и спасения...

Оттого радость быть человеком, что Бог стал Богочеловеком. Этим открыты и даны нам все божественные силы, и совершенства, и бесконечности. Ибо из всякой горести, беды и отчаяния есть Божественный выход, и взлёт, и восхождение в Царство Божественной вечной Жизни и вечной Истины, вечной Любви и вечной Радости.

По слову преп. Иустина Чельского

ПОБУДЧИКИ

Живут у меня дома Ворби и Зяба – воробей и зяблик, птахи со схожей судьбой. Обоих подобрал я в разные годы на улице голенькими, неоперёнными, от перипетий природы пострадавшими – выпавшими из гнезда.

Паучками-червячками вскармливал их вручную, с пальца, каждые пятнадцать-двадцать минут отправляя в желторотые, доверчиво открытые клювики пищу... Выходил. Было время на то: сам пенсионер, да и домочадцы помогали. И так полюбились всем нам взорвавшимся на глазах птички, что стали они полноправными членами семьи. Летают как им захочется по комнатам, даже кот наш, охотник за малой дичью, не обращает на них внимания, – приучили к порядку.

Трелями-песнями, весёлым щебетанием радуют нас пернатые. Хотя кто-то и скажет: какую мелодию воробей может выдать? Чик-чирик, что ли? И будет неправ. От природы птицы – раздражатели, а коли нет рядом родителей, их обучающих, вбирают они в своё песнопение всё слышимое в округе. Так что и мы, и телевизор и радио внесли в диапазон вокала наших питомцев свою изюминку. Порой такие свисты взвихренны, перебивая друг дружку, они запустят, что рыбки в аквариуме ко дну жмутся...

С детства привык я к просыпу вслед за рассветом. Зимой, в пору мутной полумглы утра-вечера теряешься и во времени, и в собственном биоритме. Молчат в темноте, в сумерках и обихаживаемые Ворби с Зябой... Приходится подниматься по будильнику.

Но стоит солнцу перейти в нашем полушарии на свою весеннюю орбиту, как увеличивается светлое

время, в природе оживает всё, и наши питомцы начинают мою утреннюю побудку песнями, с каждым календарным деньком – на минуту ранее.

А в середине июня, бывает, и в четыре утра, когда стелется туман по почве-земле и не вышло ещё из-за горизонта наше светило, голосистые птахи своими песнями, славящими рождение нового дня, уже будят меня.

Выйду из дома полунагой, пыль тумана осаживается на теле росой, а душа – поёт-поёт!.. И возглас непроизвольный вырывается из горла: жив!

Здравствуй, новый день, со всем своим неподвижным наступающим!

Юрий Дёмин

Наталья Шайкина. Садовые воробьи. (2015 г.)

РУССКАЯ ТРОЯ

На карте нашей Родины есть немало мест, где история накрепко сплела времена и события, явившиеся грядущим поколениям пример для подражания. Одно из них – Малахов курган в Севастополе, известность которого шагнула далеко за пределы России и осталась в веках.

В июне 1855 года, героически обороняя Севастополь во время Крымской войны, русские войска на Малаховом кургане отразили мощнейший штурм английских, французских и турецких войск.

Малаховым народ прозвал курган по фамилии своего земляка – моряка-черноморца Михаила Михайловича Малахова, который, совершая обязательные ежедневные прогулки, всегда поднимался на эту вершину. Кстати, два его сына, тоже моряки, Илья и Афанасий, участвовали в обороне Севастополя. Илья остался в живых, Афанасий пал смертью храбрых.

К июню 1855 года минул почти год, как враг подступил к Севастополю и осадил город. Казалось, после девяти месяцев бомбардировок взять его не составит труда. Да не тут-то было.

Ещё с началом осады Севастополя на Малаховом кургане был возведён главный бастион Корабельной стороны, впоследствии названный Корниловским, а в обиходе – Каменной башней. Артиллерийски оснащён он был разношерстно, вплоть до старинных корабельных пушек и столетних по возрасту «единоногов». Внутри кургана от бастиона вела галерея для проведения подземно-минных работ.

Именно на Каменную башню в первую очередь нацелился враг, ведь с взятием бастиона весь Малахов курган оказывался в руках интервентов.

Накануне общего штурма союзники открыли очередную бомбардировку города и после методичного суточного обстрела пробили атаку. Чуть свет 6 (18) июня громада французов и англичан численностью около тринадцати с половиной тысяч человек бросилась на Малахов курган. В рядах штурмующих оказались лучшие батальоны свирепых зуавов – головорезов, состоявших, в основном, из солдат французских африканских колоний. Генерал Юферов, командовавший в этот день на Корниловском бастионе, встретил врага убийственным картечным огнём.

В то же время французская дивизия генерала Мейрана атаковала второй бастион и куртину, соединяющие их с Малаховым курганом. Невзирая на картечный огонь русских, неприятель прорвался ко рву бастиона. Началась рукопашная, в ход пошли штыки и ножи... Батальоны Суздальского и Якутского полков стояли насмерть и не отошли ни на шаг. Французы подтянули резервы и ещё несколько раз бросались в атаку. Завязалась

Герои Севастополя. В центре матрос Пётр Кошка.

отчаянная схватка, о которой очевидец вспоминает: «Вопли попавших в волчьи ямы, стоны умирающих, проклятия раненых, крик и ругательства сражающихся, оглушительный треск оружия – всё смешалось в один ужасный, невыразимый рёв»... Прорвавшись ко рву французов солдаты Селенгинского и Якутского полков встретили градом камней. Под несмолкаемый грохот орудий, дробь барабанов, сигналы труб и командные крики офицеров кипел жаркий бой за бастион, прозванный «адам».

Справа в штурмующих палили батареи Малахова кургана, слева – третий бастион и выдвинутая вперёд от него батарея полковника Будищева. Русские солдаты и матросы отразили все атаки, неприятель понёс большие потери. Тогда французы с удвоенной силой перекинулись к батарее Жерве, в случае взятия которой враг обходил Малахов курган с тыла. Уже сильно поредевший Полтавский полк защищал подступ к батарее и прямо в лоб бил ружейным огнём.

По горе трупов, давя своих же раненых, зуавы ворвались в батарею Жерве, русских кого перекололи, кого отбросили. Вслед за чёрными «сорви-головами» в прорыв бросились остальные. Отряд полковника Гарнье, заняв батарею Жерве, проник на Корабельную сторону – в предместье Севастополя. Часть домов этой стороны уже находилась в полуразрушенном состоянии. Французы засели в развалинах и поражали русских убийственным огнём.

Но не пробил ещё последний час Севастополя. Трезво оценивая ситуацию, Гарнье отправил одного за другим четырёх гонцов к генералу Отмару, требуя подкрепления – иначе, писал в записке полковник, «я скоро буду раздавлен». Трое гонцов погибли, четвёртый русских пулю избежал.

К батарее Жерве прискакал «отец солдатам» генерал Степан Александрович Хрулёв и остановил отступающих полтавцев, крикнув, что им на помощь идёт дивизия. Воодушевлённые при виде обожаемого ими Хрулёва, бойцы повернули против врага. На самом деле рядом не то что дивизии – вообще не было наших войск. Хрулёв издали увидел возвращающуюся с окопных работ роту Севского полка. В ней было всего сто тридцать человек под командой штабс-капитана Островского. Вот и вся «дивизия»...

Степан Александрович прокричал: – Благодетели мои, вперёд!

И первым бросился на врага. Севцы побросали лопаты, кинулись за своим генералом и без единого выстрела ударили в штыки. Не выпуская сабли из рук, геройски пал штабс-капитан Островский. После боя в рядах севцев осталось тридцать три человека. Остальные шагнули в бессмертие.

В этот момент четвёртый гонец добрался до генерала Отмара, но поздно – наша взяла! Было только семь часов утра.

Вражеский штурм был отбит на всех позициях, союзники откатились назад, потеряв под десять тысяч убитых и тяжело раненых, среди них генералов Мейрана, Брюне и Джона Кэмпбелла. Да и русским победа досталась не дёшево: из строя выбыло до пяти с половиной тысяч, в том числе около ста офицеров. Погиб командующий бастионом каперанг Н.Ф. Юрковский, его место занял Ф.С. Керн – родственник Анны Керн, той самой музы великого Пушкина... Русские полки, отразившие штурм Севастополя, покрыли себя неувядаемой славой.

По определению известного учёного, академика Е.В. Тарле, «русские матросы и солдаты в день победы 6 (18) июня и затем в течение всего противостояния превосходили самих себя, они, казалось, утратили всякое представление об опасности». Вторит историку и знаменитый русский хирург Николай Иванович Пирогов, говоря, что раненый солдат, вынужденный отправиться в лазарет, «горюет не о потерянной руке или ноге, а скорбит душой о том, что не может остаться в рядах своих товарищей».

Враг тоже оставил многочисленные воспоминания о севастопольской осаде. Все они наполнены разными оттенками и чувствами. Участник Крымской войны, священник Уикенден пренебрежительно называл нас москвитами – и это в середине XIX столетия, боевой генерал Уиндгэм после битвы за Малахов курган отметил стойкость и хорошую подготовку русского солдата, а французский офицер Вимпфен признался в уважении к русским.

Впоследствии Севастополь всё же был взят в плотное кольцо. По свидетельству очевидцев, весь август по городу почти непрерывно вёл огонь из восьмисот орудий. Севастополь и Малахов курган превратились в груду развалин, поднять которые в условиях постоянной бомбардировки стало невозможно.

В начале сентября после мощной артподготовки союзники бросились на приступ руин бастионов Малахова кургана – и всё равно русские сражались до последнего. Одним из немногих выживших защитников Каменной башни на Малаховом кургане, найденных французами среди трупов, оказался тяжело раненый Василий Иванович Колчак – отец будущего Верховного правителя России Александра Колчака.

С военной точки зрения дальнейшая оборона Севастополя оказалась бессмысленна. За ночь наши войска перебравшись на северную сторону. Город был зажжён, пороховые погреба взорваны, военные суда, стоявшие в бухте, затоплены.

Историк М.А. Рахматуллин писал: «Крымская война оказала огромное влияние на исторические судьбы России. В момент опасности на защиту страны поднялся народ, который отстаивал родную землю от вторжения иноземных захватчиков. Русские солдаты и матросы в ходе войны показали удивительное мужество, самоотверженность и героизм, особенно полно проявившиеся при обороне Севастополя». Верно воспетая писателями отчаянная храбрость матроса Петра Кошки – не исключение, но обыденность.

В истории Малахова кургана было и будет много героических, горьких и грозных, но, безусловно, славных событий. Это и гибель руководителей севастопольской обороны вице-адмирала В.А. Корнилова и адмирала П.С. Нахимова, для которого 28 июня, в канун праздника святых апостолов Петра и Павла, курган стал личной Голгофой. В тот день Нахимов прибыл на Корниловский бастион. После молебна перед иконой, присланной императрицей Александрой Фёдоровной, обходя позиции в мундире с золотыми пуговицами, которые служили отличной мишенью, Павел Степанович получил пулю в висок.

Это и Великая Отечественная, когда Малахов курган вновь стал во весь свой величественный рост, каменной грудью преградив путь врагу.

И всё же дата 18 июня 1855 года – особая. Именно в тот день был отражён первый массовый штурм русского города Севастополя. В который раз Россия встала на пути мирового господства Запада, ведь в Крымской войне наша страна вновь в одиночку вышла против целой коалиции – на сей раз Великобритании, Франции, Сардинии и Турции. Крупнейшие мировые империи снова попытались «огнём и мечом» установить своё доминирование в Европе, в нужных им интересах переделить сферы влияния на Балканах, Кавказе, Ближнем Востоке и в Малой Азии. Не напоминают ли что эти события? Но в очередной же раз на пути их замыслов встала Россия. Мы это помним. И не забудем. А кто забыл – напомним.

Памятник вице-адмиралу В.А. Корнилову на Малаховом кургане

ТАК НАДО

Спросите русского солдата:
«Зачем опять идёшь ты в бой?
Зачем рискуешь вновь собой?»
Он просто скажет вам: «Так надо».

И потеряется в дыму
от всех прицелов перекрестий.
Вопрос «А надо-то – кому?»
здесь неуместен.

Николай Зиновьев

ПУСТЬ ДУХ БОЖИЙ ЖИВЁТ В ВАС

23 июня – Троица, День Сошествия Святого Духа на апостолов

Силы материальной природы узнаём мы по их проявлениям с большим или меньшим могуществом. Лёгкий ветерок, ласкающий наши щёки, и страшный ураган, разрушающий целые города – это только движение воздуха со слабой или с мощнейшей силой. Едва заметное мерцание малой звёздочки и ослепительный свет полуденного солнца – это проявление одной и той же световой энергии, только в разной степени интенсивности.

В великий праздник Сошествия Святого Духа на апостолов видим мы, что и духовная энергия, являющаяся нам Силу Божию, может показываться не только тихо, едва заметно, но и с потрясающей силой и славой. Так, при Крещении Господа нашего Иисуса Христа в Иордане впервые обнаружил Себя Дух Святой в скромном образе голубя, спустившегося с Небес на главу Крещаемого Иисуса. А в День Сошествия на апостолов, напротив, действовал Святой Дух с великой мощью. Тогда апостолы Христовы и близкие к Господу люди собрались в большой горнице Иерусалимской в ожидании пришествия Духа Утешителя, обещанного им вознесшимся на Небо Учителем. И вдруг услышали они сильный шум, как бы от бурного ветра, и на главах их почил Дух Святой в виде огненных языков. В тот момент с потрясающей силой явилось Себя миру Третье Лицо Святой Троицы – Дух Святой. Так явно ещё никогда не была открыта миру троичность в Лицах Единого Бога, и потому праздник сошествия Святого Духа на Апостолов именуем мы также праздником Святой Троицы (или Пятидесятницей, так как событие это исторически произошло на 50-й день после Пасхи).

Дух Святой, конечно, пребывал в сердцах апостольских и во время их постоянного общения с Господом Иисусом Христом – Вторым Лицом Святой Троицы – и до Его Вознесения на Небо. Но теперь, когда апостолов ожидала проповедь Евангелия всем языческим народам и просвещение мира единым Светом Спасительной Истины – Светом Христовым; когда предстояло им вести тяжелейшую борьбу с самим диаволом, отцом и источником духовного мрака – теперь, конечно, нужны были сверхчеловеческие дары ума и сердца. Потому и Дух Святой сошёл на них с такой огромной силой, с какой ни раньше, ни позже не сходил ни на кого из людей. Апостолы получили в виде огненных языков Божественный Свет, озаривший их умы. А с ним – и изумительный дар знания языков и наречий всех народов, которым должны будут дать они новое сердце и новый разум. С мощью, подобной урагану, сошёл Святой Дух на апостолов Христовых, ибо пред ними лежала грандиозная задача коренным образом изменить мировоззрение всего человечества и весь ход мировой истории...

Но настанет время, когда с несравненно большей силой, чем даже в день Пятидесятницы, будет явлена человечеству безмерная Сила Божия и власть Святого Духа; когда по страшному гласу трубы Архангеловой воскреснут мёртвые; когда земля и все дела на ней сгорят; когда по Слову Божьему: «Се, творю всё новое» [Откр. 21, 5] – возникнут новая земля и новая вселенная.

К этому страшному дню должны мы готовиться всей жизнью нашей, чтобы встретить его не в страхе

и трепете, а с великой радостью и с высоко поднятыми головами.

Что же надо для этого? Надо помнить удивительные слова апостола Павла в Первом послании Коринфянам: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живёт в вас?» [1Кор. 3, 16]. Надо жить так, чтобы и в наши сердца сошёл Дух Святой.

Если будем со всем усердием исполнять заповеди Христовы, Дух Святой будет вселяться в нас. Конечно, не с такой славой и силой, с какой сошёл Он на апостолов Христовых. Он будет действовать в нас почти неприметно. Но Благодать Святого Духа малопомалу будет изменять изо дня в день наш дух, и нашу душу, и наше тело. Она сделает нас молчаливыми, тихими и тяжело страдающими от неправды и скверн мира. Постепенно блага жизни потеряют для нас былую привлекательность. Всё меньше и меньше будем мы думать о себе, но станем думать с душевной болью о страдающих, не имеющих хлеба насущного, на смотрящих на нас с мольбой. Даже язык и уста наши обретут иной слог и привыкнут произносить только доброе, не скверное и чистое.

Так созреют в нас те драгоценные плоды Духа, о которых читаем в Послании апостола Павла к Галатам: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание» [Гал. 5, 22-23]. Стяжать эти драгоценные плоды да поможет нам Евангелие Христово, и Благодать Святого Духа да соделает всех нас храмами Духа Божия. Аминь.

Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий).
По Слову в день Сошествия Святого Духа.

ТРОИЦА

*Гудящий благовест к молитве призывает,
на солнечных лучах над нивами звенит;
даль заливных лугов в лазури утопает,
и речка на лугах сверкает и горит.*

*А на селе с утра идёт обедня в храме;
зелёною травой усыпан весь амвон,
алтарь, сияющий и убранный цветами,
янтарным блеском свеч и солнца озарён.*

*И звонко хор поёт, весёлый и нестройный,
и в окна ветерок приносит аромат –
твой нынче день настал, усталый, кроткий брат,
весенний праздник твой, и светлый, и спокойный!*

*Ты нынче с трудовых засеянных полей
принёс сюда простые приношения:
гирлянды молодых берёзовых ветвей,
печали тихий вздох, молитву – и смиренность.*

Иван Бунин

ПРОСТАЯ ДУША

Удивительное было лето того года, Москву и Подмосковье залили дожди, в лесах стояла вода, и до самой осени не было грибов, даже опята появились только в конце августа.

– Поедем к бабушке, – сказал я отцу, – наверняка грибы пошли...

И мы поехали на свою «малую» родину, в самую что ни на есть глухую провинцию. От станции Сасово ехали на грязном «пазике», на дороге стояли лужи. Слева и справа – непроходимая рожь, уже почерневшая от дождей, и такая густая, такая тучная, что даже местные пассажиры, рабочие из бригады механизаторов говорили: «Хлеб ныне – густ. Колос к колосу, даже и уж не проползёт... Да вот только дожди залили, погибнет, похоже, и хлеб. И картошку залило... Грибов – тьма, да все белые...».

Автобус с шаткими ободранными сиденьями гремел обшивкой, часто останавливался, объезжал ямы, полные воды, мелкие лужи. Не доехав километра до нашей остановки, шофёр объявил:

– Слезайте, дальше не поеду, дорогу залило...

Мы выбрались и пошли пеш просёлочной дорогой. Как только свернули с большака, идти в ботинках стало невозможно, мы разулись и шли босиком. За плечами рюкзаки, в руках обувь. Сначала шли кукурузным полем, потом загложим в разнотравье свекловичником, сплошь в мокрых бороздах, в лебеде, в васильках с повиликой.

– Свёкла пропала, – с грустью в голосе проговорил отец, – не проползли вовремя.

А всего идти-то было километра три с небольшим. Но такой липкий был чернозём, так разъезжены были тракторные колеи, что пришлось тянуться краем поля, а потом и полем напрямки по бездорожью.

Когда дошли до ржаного, отец остановился, закурил и долго смотрел на скошенные для скотины снопы в

серой болотной жиже, на сорванные колоски – тучные зёрна уже спели. Постоял, переживая, что-то вспомнил, изрёк нечто о поре своей молодости: «Вот так. Разреши пять колосков, полполя подберут»... И добавил:

– Эх, и хлеба были бы, если б не дожди... Смотри-ка, такую рожь я не видел в наших местах... Какой-то новый сорт. Начали уже убирать, верно, да помешали дожди.

Кое-где уже стояли почерневшие копны. Шёл сначала мелкий, а потом мало-мало разошедшийся в ливень дождь, как серая сетка всё застило вокруг.

До деревеньки, где жила бабушка, было уже близко, а мы шли по колено в траве, без дороги, без разбору, по клеверу второго укоса. Был девятый час, а казалось, что всё ещё раннее утро; проливной дождь хлестал не переставая, и за какие-то полчаса на нас нитки сухой не осталось.

– Ой, приехали! – стукая щеколдой и отворяя дверь, обрадовалась бабушка. – Снимайте с себя всё, я тут вам обувь найду, сухую одежку... Господи, и что за напасть такая: дожди и дожди... И ни проехать, ни пройти. Хлеб неделю не везут, а пеш не доберёшься... А вы хлеба-то не привезли из Москвы, не догадались?

– А мы думали... – сказал отец и начал хлебать щи без хлеба.

Бабка полезла на печку, вытащила мешочек с сухарями и, высыпая горстями в тарелку, рассказывала о местных порядках, а точнее – беспорядках, что начальство меняется, как рукавицы, хлеба небывалые, а всё прет и гниёт...

– Как раз к грибам приехали, – говорила бабка, со стуком меняя ухваты. – Тут приезжие гости грибов обтаскались, носят кошёлками бельевыми, да всё дубовые...

– Белые есть? – переспросил я.

Продолжение на стр. 14-15

– Говорю же – дубовые, по-вашему – белые. Никакие они не белые, а скорее, коричневые, поджаристые, как булки из печи...

Часа через два перестал лить дождь, выглянуло солнце, ослепительно заиграли влагой травы, заблестел солнечными бликами потолок в избе от огромной лужи под окнами; радостно зачиликали на крыше воробьи, и в доме не сиделось.

– А пойдём-ка за грибами, – сказал я отцу, беспрерывно кутившему у окна, смотревшему на мокрую улицу.

– Ну-у, за грибами? Там теперь и в сапогах не пройдёшь поди-ка, – сказал он с неуверенностью, – вот подсохнет, обдует...

И всё же стали собираться. Старенькие рубахи, штаны, тапочки, ботинки с косо сбитыми каблуками – всё это вытаскивала бабка из чуланчика:

– Ну-ка, примеряйте!

– Эх, сапоги не привезли... И как это я не подумал про сапоги? – то и дело сокрушался отец, вдалбливая ноги в обрезки жёстких кирзовых сапог с разбитыми каблуками, – и про хлеб... тово... не вспомнили... Оплошали.

– А вы лапти наденьте, – посоветовала бабушка. – Я тут у Прокофия купила дайча...

Мы засмеялись, а бабка обиделась:

– Ну-к ва-ас, не графья... У меня вон печь простыла, пока я за вами ухлёстывала. Как раньше-то – косили в болотах, и убирали в полях хлеба, ходили в сельмаг за семь-восемь вёрст – всё в лапотцах, в них, родимых... И легко, и ноге любо.

– А что, – согласился вдруг отец, – милое дело – лапти. Теперь и в сапогах не вылезешь из лесу сухим: места тут – колдобины, канавы да болота.

– Какие неаккуратные... – проговорил я, рассматривая лапти.

Мотая на ноги портянки, отец молчал, он знал толк в лаптях. Когда-то ходил в школу в этой диковинной музейной обуви, плёл их в детстве.

– Неаккуратные – потому из крупных лык, а вот если бы лыки помельче – другое дело, – молвил он, отдуваясь.

– Да ему без малого девяносто, Прокофию-то, видит плохо. Да он и не хотел плести, это я ему в начале лета лыки заготовила, упрасивала, самогону литр выпила да ещё заплатила тыщу рублей на хлеб-соль, вот вам... А не хотите – как хотите...

Лапти обували долго, хилые оборы рвались... Бабушка смеялась. И как только снаряжение было готово, большие кошёлки повесили мы на плечи, а она взяла суковатый батожок и вышла нас провожать, как бы в какой-нибудь дальний путь.

Шли напрямки по густой, зелёной, хватавшей за ноги траве, заброшенными огородами, мимо развалившихся изб с забытыми тёсом окнами, косившими дверями, банешек с голыми стропилами... Не успели добраться до опушки леса, уже были – хоть выжми от росы, но идти было легко, из лаптей сочилась вода.

Солнце светило ярко и близко, и вода в провалах и лесных низинах согрелась. Воздух стал тёплым от влаги. Ослепительно блестели на опушках мелкоцветные цветы и травы, вспархивали тетерева, трещали сороки на высоких осинах. По выгону рассыпалось стадо нетелей – молодых коров, за ними ходко с собаками тянулись пастухи верхом на конях.

На лесной дороге встретились нам две молодые женщины и посмотрели на нас, как призраки, пришедшие из давних времён, на наши лапти и кошёлки. Временами в лесу слышались голоса – возвращались грибники с корзинами грибов.

Места глухие, медвежий угол, за десятки километров от больших дорог, грибы собирали городские гости. Грибов было так много – как говорят, «хоть косой коси», но, видно, от проливных дождей и не просыхающей влаги, в «вымочках» почти все, даже молодые белые грибы побили черви-слизни, приходилось долго выбирать самые маленькие, молодые, иногда растущие по шляпку в воде. Целыми куртинами попадались обабки – не семьями, а, я бы сказал, стаями.

– А ведь и верно говорила бабка, что в лаптях хорошо, – напомнил я отцу, продираясь через густой ежевичник, до крови кусавший руки, терновник, непроходимо разросшийся на краю оврага. – В сапогах всё равно были бы теперь мокрые ноги, да ещё и с мозолями...

Владимир Жданов. Грибной дождик. (2015 г.)

Да и времена наступили теперь такие, что обувь надо беречь.

– На лапти переходим, – пошутил отец. – Откроем кооператив по производству лаптей – «Отец, сын и К»...

Солнце так разогрело молодой смешанный лес, куртинки, лесные тропинки и коровьи прогоны, что от испарений, аромата цветов и трав, густо разросшихся на опушках, было трудно дышать. Тонко курилась дорога на опушке леса, источая влагу.

Мы возвращались домой, когда услышали женские голоса. Женщины сидели возле дороги, отдыхали, закусывали. Кошёлки, полные грибов, покрыли сверху луговой мятой. Яичная скорлупа, кожура от картошки, сваренной «в мундире», – всё аккуратно собрано в кучу на обрывке газеты.

– День добрый, – сказали мы, проходя мимо. Они ответили на разные голоса, и одна из них, та, что постарше, проговорила:

– Теперь лапти днём с огнём не сыщешь, хоть сторуна наша и лапотная. Мне бы сплели, я заплачу...

– И мне, – проговорила сидевшая ногами вперёд белобрысая молодуха с крутой грудью, румяная и с крепкими локтями, и звонко засмеялась. – И мне, только побыстрее, а то все ноги в мозлах...

Возле корзин сушились носки, резиновые сапоги; женщины пили из фляжки компот вкруговую; они жили в соседней деревне, а мы их не знали.

– А вы чьего же двора будете? – спросила та, что всех старше.

Мы назвали. Она, подумав, проговорила: «Знаю вашу бабку, а вас не знаю».

Верхушки осин весело трепетали листьями, полуденное солнце нестерпимо жгло. Мы шли без дороги сначала мелколесьем, а потом свернули на полевою торную дорогу, раздавленную тракторами вдрызг. Подсолнухи в цветку приветливо полыхали золотыми головками, волнами переливалось это удивительное жёлтое море, сквозившее ослепительными лужами в низинах.

Показалась деревня, точнее – то, что осталось от деревни: высокие старые тополя, вязы, разорвавшиеся повдоль от собственной мощи, разваливающиеся избы, заброшенные подворья и заглохшие в крапиве, задичавшие сады. Мелколесье подступало к избам, как бы шло в наступление, угрожая огородам и садам и всей деревеньке заполнить, забить чапыжником, стереть с лица земли.

– А когда-то выкашивали все куртинки лесные, тринки не оставляли у канав, – говорил отец, с грустью поглядывая на огороды, сплошь заросшие травой, желтеющей метликом. – Лет через десять всё зарастет, как будто и не жили здесь... А какие сады когда-то цвели тут, у самой деревеньки были колхозные огороды с капустой, огурцами. – «За сноп цветошника и травы у усадьбы – за топоры хватались. Сколько корма на неё надо!.. А где взять...».

Молодняк, нетели, стояли и лежали в загоне, огороженном жердями. Утопая в навозной жиже, скотина жалась к углам, где посуше, а чуть поодаль под навесом из грубой ткани спали два пастуха, тотчас видно, что мертвецки пьяные; хрустели травой две лошади, брехал серый кобель, а пастухи так и не проснулись, спали вповалку, как убитые, навзничь. Открытые дыры ртов были страшны, веки точили мухи. Возле – пузырьки одеколлона с пляшущей красавицей и на мятой газете с просыпанной махоркой – кнут и скорлупа от яиц.

Напротив окон бабушки стоял хороший ещё дом под жезью, с заколоченными окнами и сломанным громоотводом. Пушкой в небо торчала матица скотного двора, частокол упал и гнил в густой траве. И ни единой души кругом, как будто все вымерли. Как будто нейтронная бомба взорвалась здесь, убив всё живое и опалив мёртвое...

– Земля не терпит предательства, – с грустью в голосе сказал отец, когда мы проходили мимо заброшенного огорода и задичавшего сада. Он остановился.

– Какого предательства? – не понял я.

– Все дома, гнёзда свои бросили, убежали, кто куда сумел. А поговоришь с ровесниками – так никто настоящую жизнь и не устроил, не нашли счастья в городах... Если бы не задавили налогами, а ещё раньше – не растолкали бы самых толковых мужиков по «Котлованам», каждый бы нашёл здесь своё счастье. Да, оскудение, запустение и оскудение...

Бабушка встретила нас на крыльце. Лапти наши расплзлись и промокли. На ступенях крыльца стояли от ног лужи.

– Ой-ой, грибы-то какие хорошие, – дивилась бабка, перебирая в корзинах. – Да все дубо-овые, да какие ядрёные, свежие, поджаристые, звонкие, как шшелчок... Да это вы где же набрали-то?.. А я хожу-хожу, карга старая...

Я смотрел на неё, на отца, и почему-то щемило сердце от жалости к ним.

– Знаешь, – неожиданно сказал отец, – я иногда думаю, почему человек так ненавидит себе подобных? Полтора миллиарда людей на Земле голодают, умирают от голода... А в Джорджии, в США, некто миллиардер за громадные деньги выставил «скрижали» из огромных гранитных плит: «Памятник смерти». На них запланировано сократить население более чем в двенадцать раз!.. Планы – злее фашистских!.. Так и жди: или чуму напустят, или нейтронную бомбу взорвут, или что ещё...

Бабушка по-своему поняла. Она сказала: «Живите, живите да радуйтесь. А то скоро свет-конец. И в Писании про то говорится. Да вы ещё сами себе отпуск возьмите, и погуляете ещё. По мобильному-то своему позвоните: остаётся, мол, ещё у бабули, и побудем у неё. У Прокофия и ружьцо есть. Как тетёрки-то по хлебу летают, только фы-рр, фырр, фырр... А кабаны все поля изрыли»...

Так она долго сидела и мыла наши грибы, с улыбкой тихой радости на устах, и приговаривала: «Живите радостно, хорошо живите, а то скоро свет-конец...».

– Спешите жить!.. Так, Полина Тимофеевна? – улыбнулся отец словам тещи и стал закуривать влажную сигарету, зачем-то глубокомысленно и тихо проговаривая: – Спешите... Да-а.

Василий Куляков

РАДУНИЦА – ПАСХА МЁРТВЫХ

Есть такие дни в году, когда на время воскресают мёртвые. К таким дням принадлежит и Радуница. Она всегда во вторник на второй неделе по Пасхе. В Радуницу живые ходят на кладбище христосоваться с погребёнными.

В этот день грех думать о смерти, ибо все мы – воскреснем. Накануне или рано утром в церквах служат заупокойную утреню. Она не огорчает, а радует. Всё время поют «Христос Воскресе», и вместо «надгробного рыдания» раздаётся пасхальное: «Аще и во гроб снизшел еси Безсмертне».

Заупокойную Литургию называют «обрадованной». В церковь приносят на поминальный стол пасхальные яйца, куличи и кутью. Всё это по окончании панихиды уносится на кладбище, рассыпается по могильным холмикам для розговен усопших. Радуница – пасха мёртвых!

Хорошее слово «радуница!» Так и видишь его в образе красного яйца, лежащего в зелёных стебельках овса, в корзинке из ивовых прутьев...

И до чего это чудесны наши русские слова! Если долго вслушиваться в них и повторять раздельно и со смыслом одно только слово – и уже всё видишь и слышишь, что заключено в нём. Как будто бы и короткое оно, но попробуй, вслушайся... Вот, например, слово «ручьеёк». Если повторять его часто-часто и вслух, то сразу и услышишь: ручееёк журчит между камешками!

Или другое слово: зной. Коли зачнёшь долго тянуть букву «з», то так и зазвенит этот зной наподобие тех мух, которых только и слышишь в полуденную ржаную пору. Произнёс я слово: вьюга – и в ушах

так и завывало это зимнее, лесное: ввв-и-ю... Сказал как-то при мне своим басом дворник Давыд: гром – и я сразу услышал громовой раскат за лесною синью.

В день Радуницы много перебрал я всяких слов и подумал с восторженным, впервые охватившим меня чувством:

– Хорошо быть русским!

Мы пошли на кладбище. Каждая травинка, каждый распутившийся листок на деревьях и кустах, и всё живое вместе с мёртвым было освещено солнцем. Везде служили панихиды. С разных сторон обширного старинного кладбища долетали голоса песнопений: «... Со духи праведных скончавшихся... Воскресение День просветимся людие... Смертию смерть поправ... Вечная память!...».

Говорили о покойниках как о живых людях, ушедших на новые

жительные места. Останавливаясь у родных могил, трижды крестились и произносили: «Христос Воскресе!...».

Хоть и говорили кругом о смертном, но это не пугало.

– Жизнь бесконечная... Все мы воскреснем... Все встретимся, – доносились до меня слова священника, утешавшего после панихиды купчиху Задонскую, недавно похоронившую единственного сына.

Между могил с визгом бегали ребята, играя «в палочку-воровочку». На них шикали и внушали: «Нехорошо!...», а они задумаются немножко – и опять за своё.

Батюшка Знаменской церкви отец Константин, проходя с кадилом мимо ребят, улыбнулся и сказал своему дьякону:

– Ишь они, бессмертники!..

– Да шумят уж очень. Нехорошо это... на кладбище...

Николай Харитонов. Родительская суббота. (1916 г.)

О РАННЕЙ СМЕРТИ

О ранней смерти так писал мудрый Соломон: «Праведник, если и рановременно умрёт, будет в покое, ибо не в долговечности честная старость, и не числом лет измеряется: мудрость есть седина для людей, и беспорочная жизнь – возраст старости.

Как благоугодивший Богу он возлюблен... и как живший среди грешников прославлен, восхищен, чтобы злоба не изменила разума его или коварство не прельстило души его. Ибо упражнение в нечестии помрачает доброе, и волнение похоти развращает ум незлобивый.

Достигнув совершенства в короткое время, он исполнил долгие лета; ибо душа его была угодна Господу, потому и ускорил Он из среды нечестия. А люди видели это и не поняли, даже и не подумали о том, что благодать и милость со святыми Его и промышление об избранных Его. Праведник, умирая, осудит живых нечестивых, и скоро достигшая совершенства юность – долголетнюю старость неправедного» [Прем. 4, 7-16].

– Пусть шумят, – опять проговорил батюшка. – Смерти празднуем умерщвление!..

На ступеньках усыпальницы, похожей на часовню, сидел сухощавый и как бы щетинистый старик и говорил сердитым голосом, без передышек и заминок, окружавшим его людям: «Поминальные дни суть: третины, девятины, сорочины, полугодины, години, родительские субботы и вселенские панихиды...».

– Это мы знаем, – сказал кто-то из толпы.

– Знать-то вы знаете, а что к чему относится, мало кто ведаёт. Почему по смерти человека три дня бывает поминование его? Не знаете. Потому, чтобы дать душе умершего облегчение в скорби, кою она чувствует по разлучении с телом. В течение двух дней душа вместе с ангелами ходит по земле, по родным местам, около родных и близких своих, и бывает подобна птице, не ищущей гнезда себе, а на третий – возносится к Богу.

– А в девятый? – спросила баба.

– В этот день ангелы показывают душе различные обители святых и красоту Рая. И душа люто страждет, что не восхотела она на земле добрыми делами уготовить себе жилище праведных...

В это время пьяный мастеровой в зеленой фуражке и с сивой бородою с тоскою спросил старика:

– А как же пьяницы? Какова их планида?

– Пьяницы Царствия Божия не наследуют! – отрезал старик, и он мне сразу не понравился. Всё стало в нем ненавистно, даже усы его щетинистые и злые. Мне захотелось высунуть язык старику, сказать ему «старый хрен», но в это время заплакал пьяный мастеровой:

– Недостойные мы люди, – всхлипывал он, – мазурики! И за нас-то, мазуриков и сквернавцев, Господь плакал в саду Гефсиманском, и на Крест пошел вместе с разбойниками!..

Мне захотелось подойти к пьяному и сказать ему словами матери: слезы да покаяние двери райские отверзают...

Старик посмотрел прищуренным вороньим глазом на скорбящего пьяницу, облокотившегося на чей-то деревянный крест, и сказал, как пристав:

– Не нарушай общественной тишины! Не мешай людям слушать, греховодник!..

И продолжил:

– В течение тридцати дней душа водится по разным затворам ада, а за сим возносится опять к Богу и получает место до Страшного Суда Божия...

«И почему такие хорошие святые слова старик выговаривает сухим и злым языком? – думал я. – Вот, мать моя по-другому скажет, легко, и каждое её слово светиться будет... Выходит, что и слова-то надо произносить умеючи, чтобы они драгоценным камнем стали...».

Мимо меня прошли две старухи. Одна из них, в ковровом платке поверх салопа, говорила:

– Живёт, матушка, в одной стране птица... И она так поёт, что, слушая её, от всех болезней можно поправиться. Вот бы послушать!..

Время приближалось к сумеркам, и Радуница затихала. Всё реже и реже слышались голоса песнопений, но как хорошо было слушать их в эти ещё не угасшие пасхальные сумерки!..

– Христос Воскресе из мертвых!

ВОРОН

О нём и пели,
и писали,
и заклинали
от него.

А он окинет
взглядом дали,
гортанно крикнет:
– Дни печали
пройдут!..
Не бойтесь ничего.

Николай Беседин

Дорогие братья и сестры!

**Просим пожертвовать на оштукатуривание стен храма
во имя святителя Антония (Смирницкого).**

**Ваши пожертвования направляйте по реквизитам, указанным ниже.
Имена жертвователей будут поминаться на проскомидии.**

Протоиерей Николай Бабич

**МРО ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД ХРАМА ВО ИМЯ СВ. АНТОНΙΑ (СМИРНИЦКОГО),
АРХИЕП. ВОРОНЕЖСКОГО И ЗАДОНСКОГО г. ВОРОНЕЖА**

**Реквизиты: ИНН 3665045857, КПП 366501001, р/с 40703810600510003141 в Филиале
«Центральный» Банка ВТБ (ПАО) в г. Москве. К/с 30101810145250000411, БИК 044525411**

Либо на карту СБЕРБАНКА 5469 1300 1724 1736 (привязана к тел. 8-951-860-40-40)

ПРИЙТИ К ВЕЛИКОМУ ВОСКРЕСЕНИЮ...

В России немало храмов, освящённых во имя первого воронежского епископа – святителя Митрофана Воронежского. В разное время их воздвигали «от Москвы до самых до окраин». Один из них – в столице нашей родины. И, как у каждого Божьего храма, у него своя история и своя судьба. В этом году – сто тридцатая годовщина зарождения московской Митрофановской церкви на Царской улице (ныне 2-я Хуторская, дом 40): проект её строительства был утверждён 12 мая 1894 года.

Предыстория же появления этой церкви в белокаменной такова. Ещё в 1877 году на территории нынешнего Петровского парка, в то время принадлежавшей Высоко-Петровской обители, для детей, чьи отцы сражались в русско-турецкой войне, был устроен приют имени принца Петра Георгиевича Ольденбургского – в ознаменование пятидесятилетия его государственной службы. Внук императора Павла I, принц Пётр приходился двоюродным братом Александру Ольденбургскому, владельцу дворца в Рамони под Воронежем.

Когда приют Петра Ольденбургского уже существовал, в Москву переехала Великая княгиня Елизавета Фёдоровна – «земной ангел и небесный человек». Современники отзывались о ней как о женщине редкой красоты, замечательного ума, ангельского терпения и благородного сердца, а великий князь Константин Константинович в стихотворении, посвящённом Елизавете Фёдоровне, воспел её кротость, чистоту и сокровенную грусть души. Великий князь, кстати, гостил у «воронежских» Ольденбургских в Рамони и написал о том стихотворение под псевдонимом «К.Р.».

В Москве великая княгиня решила тоже создать благотворительное учреждение, и её заботами 4 мая 1893 года открылся Елисаветинский приют для маленьких детей-сирот, который объединили с Ольденбургским приютом. Вскоре встал вопрос о строительстве для приюта церкви: ближайшая, Благовещенская, находилась за километр от приюта, и малышам в ненастную погоду добраться до храма было нелегко.

Возвести храм взялся казначей Совета детских приютов, известный купец и благотворитель Митрофан Семёнович Грачёв. Он подал Московскому митрополиту Сергию, архимандриту Троице-Сергиевой лавры, прошение, в котором выразил желание построить при приютах каменный храм со звонницей во имя святителя Митрофана Воронежского – своего небесного покровителя.

Получив благословение митрополита на строительство, Грачёв поручил разработку проекта архитектору Георгию Александровичу Кайзеру, и вскоре проект был утверждён. Кайзер, следуя традициям древнерусского зодчества и советам своего близкого знакомого художника Михаила Нестерова, выполнил проект храма в русском стиле.

Строили год с небольшим, работы обошлись Грачёву в сорок тысяч рублей. И 4 ноября 1895 года, в день празднования иконы Божией Матери «Казанская» пятиглавую церковь во имя святителя Митрофана Воронежского с примыкающей к ней шатровой колокольней освятили. Впоследствии Георгий Кайзер по поручению жены Грачёва, Варвары Николаевны, создал проект на убранство церковной живописью Митрофановского храма.

Митрофан Семенович Грачёв стал старостой нового храма, а вот штатный причт сначала отсутствовал, и три года служба в церкви совершалась только в праздники. Лишь в 1898 году к храму рукоположили выпускника Московской духовной академии Михаила Певницкого.

В 1901 году в связи с рождением у императорской семьи дочери Анастасии в Петровском парке открылся ещё один детский приют – имени Великой княжны Анастасии Николаевны. Сюда переводились воспитанницы из Елисаветинского и Ольденбургского приютов, достигшие восьмилетнего возраста.

Начиная с 1907 года в Митрофановском храме служил отец Александр Розанов. Он пожертвовал двести рублей на увеличение бесплатных вакансий в детских приютах, за что был отмечен Высочайше утверждённым Наградным знаком. Этот Знак за номером «100» в 1999 году рабочие нашли под полом при ремонте здания. Возможно, его спрятали в бурные годы революции.

В революционную весну Митрофановский храм ограбили воры, вскоре был поднят вопрос о его закрытии. На некоторое время храм оставили в покое, но через несколько лет его существование вновь оказалось под угрозой: в Москве прикрыли все домовые церкви. Митрофановскому храму повезло и в этот раз: церковь удалось перевести в разряд приходских и таким образом продлить ей жизнь.

Большую роль в спасении церкви во имя Митрофана Воронежского сыграл её тогдашний настоятель Владимир Медведюк. По рассказам прихожан, в годы его служения храм всегда был полон народом, в него собирались молящиеся с самых дальних концов Москвы, еженедельно служился акафист Божией Матери «Взыскание погибших», особо почитался преподобный Серафим Саровский; к отцу Владимиру приезжали и дивеевские матушки. Когда обновленцы пытались закрыть церковь, отцу Владимиру удалось отстоять её от «красных попов». В 1929 году Медведюка арестовали и приговорили к трём годам Беломорских лагерей. Вернувшись из заключения, он вместе с семьёй жил в Загорске, но продолжал служить в московском Митрофановском храме.

В начале тридцатых годов церковь Митрофана Воронежского предлагали отдать под школьные мастерские или передать авиационному заводу. Когда в 1935 году храм всё же закрыли, его территорию, как и территорию закрытого ещё в 1922 году приюта, поделили между собой завод имени Калинина и Метрострой.

Там появились бараки для заключённых, трудившихся на прокладке метро. В храме разместилось заводское училище, затем ремонтная база, в годы Великой Отечественной – столовая. После войны в нём устроили спортивную школу, потом заводской склад. В конце шестидесятых территорию занял авиационный завод «Горизонт» с многоэтажным зданием для своего КБ. С 1985 года церковь и вовсе «стояла впусте».

Впрочем, недолго пустовал храм святителя Митрофана Воронежского – в 1990 году его вернули Русской Православной Церкви. К тому моменту храмовое здание осталась без архитектурных шатров и стояло со снесёнными главами, разрушенной колокольней и уничтоженным иконостасом. На закопчённых стенах остались горькие следы пожаров. От прежнего великолепия сохранилась лишь икона святителя Митрофана, которую, по закрытии храма, передали в церковь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» в Марьиной Роще.

Проект восстановления Митрофановского храма после передачи его верующим безвозмездно выполнил архитектор Сергей Яковлевич Кузнецов. Деньги на богоугодное дело собирали всем миром, завод Калинина выделил рабочий инструмент и технику для вывоза мусора. Силами прихожан за два года церковь и колокольня были полностью восстановлены и обрели благолепный вид. Художники-монументалисты (один из них – Д. Ермолаев, ныне иеромонах Оптиной пустыни) расписали своды и стены, выполнили резной иконостас и мозаичный алтарь. Над центральным входом, на южном и северном фасадах ныне мозаикой выложены образы Спасителя, святителя Митрофана и преподобномученицы Елизаветы. Из церкви в Марьиной Роще вернулся святой образ Митрофана Воронежского.

Вновь освятили Митрофановский храм ровно через сто лет после его первоосвящения: 5 ноября 1995 года патриарх Алексей II совершил это судьбоносное для храма действие. Настоятелем возрождённого храма был назначен протоиерей Димитрий Смирнов.

На день нынешний при Митрофановской церкви действуют воскресная и хоровая школы, школа иконописи и пять детских домов.

У каждого храма свой путь, своя судьба, но любой с Божьей помощью и под Его незримым Оком строят люди, и у всех них тоже свои судьбы.

Благотворитель Митрофан Семенович Грачёв отдал Богу душу в 1899 году. По его кончине тело погребли в склепе, заранее устроенном под Митрофановским храмом ещё при жизни Грачёва. Вдова его Варвара Николаевна впоследствии перенесла прах мужа на Введенское Немецкое кладбище.

Владимир Медведюк после закрытия церкви переехал в село Язвище Волоколамского района и служил в местном Троицком храме. В 1937 году он был в очередной раз арестован, расстрелян и похоронен в безвестной общей могиле на Бутовском полигоне. В 2000 году, в день памяти святителя Митрофана Воронежского, юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви прославил протоиерея Владимира Медведюка в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

Воссозданный Митрофановский храм в память о добрых и богоугодных делах Великой княгини Елизаветы Фёдоровны и ныне связан с её именем – с 1992 года в приходе действует Елизаветинское сестричество. Сёстры и прихожане продолжают творить милосердие, опекая ребятишек из детских домов.

В своё время преподобномученица Елизавета приняла на себя подвиг служения страждущим. После гибели от рук террористов-бомбометателей её мужа, великого князя Сергея Александровича, она создала известную впоследствии Марфо-Мариинскую обитель милосердия. Расписывал же её Михаил Васильевич Нестеров – тот самый, кто участвовал и в создании проекта храма Митрофана Воронежского в Петровском парке. Уже после мученической смерти великой княгини в шахте Алапаевска знаменитый художник писал: «Работа даёт веру, что через крестный путь и свою Голгофу Родина наша должна прийти к великому Воскресению».

Воссозданный в Москве храм во имя святителя Митрофана Воронежского есть малый шаг на пути этого Воскресения. И, слава Богу, несть числа в нашей стране возрождаемым храмам...

Игорь Маркин

Храм святителя Митрофана Воронежского в Петровском парке г. Москва.

НА ВЕКА

*В этой роще берёзовой,
вдалеке от страданий и бед,
где колеблется розовый
немигающий утренний свет,
где прозрачной лавиной
льются листья с высоких ветвей, –
спой мне, иволга, песню пустынную,
песню жизни моей.*

*Пролетев над поляною
и людей увидав с высоты,
избрала деревянную
неприметную дудочку ты,
чтобы в свежести утренней,
посетив человеечь жильё,
целомудренно бедной заутреней
встретить утро моё.*

*Но ведь в жизни солдаты мы,
и уже на пределах ума
содрогаются атомы,
белым вихрем взметая дома.
Как безумные мельницы,
машут войны крылами вокруг.
Где ж ты, иволга, леса отшельница?
Что ты смолкла, мой друг?*

*Окружённая взрывами,
над рекой, где чернеет камыш,
ты летишь над обрывами,
над руинами смерти летишь.
Молчаливая странница,
ты меня провожаешь на бой,
и смертельное облако тянется
над твоей головой.*

*За великими реками
встанет солнце, и в утренней мгле
с опалёнными веками
припаду я, убитый, к земле.
Крикнув бешеным вороном,
весь дрожа, замолчит пулемёт.
И тогда в моём сердце разорванном
голос твой запоёт.*

*И над рощей берёзовой,
над берёзовой рощей моей,
где лавиной розовой
льются листья с высоких ветвей,
где под каплей Божественной
холодеет кусочек цветка,
встанет утро победы торжественной –
на века.*

Николай Заболоцкий

С вопросами и предложениями можно обращаться к протоиерею Николаю Бабичу:
тел.: +7 (951) 860-40-40, Viber: +7-951-860-40-40, ВКонтакте: vk.com/snt.antonius,
Telegram: @NikolaiBabich.

Адрес храма и редакции: 394070, г. Воронеж, ул. Тепличная, 22-А.

E-mail: Snt-Antonius@yandex.ru.

Электронная версия «Вестника» доступна по адресу: www.snt-antonius.ru

Учредитель, издатель – Местная религиозная организация православный Приход храма во имя свт. Антония (Смирницкого), архиеп. Воронежского и Задонского г. Воронежа религиозной организации «Воронежская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)». Адрес издателя: 394070, г. Воронеж, ул. Тепличная, 22-А

Редакционная коллегия:
протоиерей Николай Бабич, Римма Лютая
Главный редактор: Бабич Николай Николаевич,
протоиерей. +7 (951) 860-40-40
Выпускающий редактор, ответственный
секретарь, корректор:
Римма Лютая. +7 (960) 115-69-06

Редактор отдела истории и краеведения: Игорь Маркин
Дизайн, макет, вёрстка: Наталья Назаренко
Отпечатано: АО «Воронежская областная типография –
издательство им. Е.А. Болховитинова»,
г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73А.
Тираж: 999 экземпляров. Заказ: № 000.
Дата выхода издания в свет: 20.09.2024 г.

Издаётся на средства
и трудами благотворителей.

Не используйте наше издание
в хозяйственных целях.
Цена: бесплатно.
Распространяется за пожертвование.

0+